

Демография и рынок труда**УКРАИНСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ****Наталья РОЗИНСКАЯ, Иван РОЗИНСКИЙ**

Наталья Анатольевна Розинская —
кандидат экономических наук,
доцент кафедры истории народного хозяйства
и экономического учений экономического
факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова
(РФ, 119234, Москва,
Ленинские Горы, 1, стр. 46).
E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru

Иван Анатольевич Розинский —
доктор экономических наук,
независимый исследователь
(РФ, 119002, Москва,
ул. Сивцев Вражек, 15/25, кв. 23).
E-mail: rozinskiy.ivan@gmail.com

Аннотация

Работа посвящена анализу украинской миграции в Россию — важного фактора социально-экономического развития нашей страны в постсоветский период. Привлечение мигрантов с Украины рассматривается авторами не с точки зрения внешней политики и геополитического противостояния, но как фактор создания благоприятных условий для социально-экономического развития России. Привлечение культурно близких мигрантов позволяет совместить интересы социально-экономического развития страны и стремление к сохранению национальной идентичности. Выходцы с Украины в настоящий момент являются единственным крупным источником потенциальной миграции в Россию, не вызывающим у россиян отторжения. В статье рассмотрены основные географические направления миграции с территории Украины в Россию, сложившиеся за последние восемь лет. Эти направления оказались устойчивыми в условиях произошедших за этот период в обеих странах существенных изменений социально-экономической ситуации. Показано соответствие «украинского потока» общемировым характеристикам внешней миграции, а также наличие определенной специфики — его тяготение к крупным городам российского юго-запада. Проанализировано распределение мигрантов по федеральным округам, а также между центрами и сельскими районами регионов-реципиентов. Украинский миграционный поток рассматривается как объект конкуренции между российским и польским центрами экономического притяжения. Чтобы рассчитывать на успех в этой конкурентной борьбе, авторы предлагают не ставить нереалистичную на настоящем этапе задачу привлечения украинских мигрантов в слабозаселенные районы страны (например, на Дальний Восток), а стимулировать переезд переселенцев с Украины в те регионы, которые уже доказали для них свою привлекательность, — Воронежскую и Белгородскую области и в Краснодарский край, делая особый упор на привлечение молодежи, и прежде всего студентов, развивая ориентированные на украинских студентов программы в вузах российского юго-запада.

Ключевые слова: миграция населения, региональное развитие, климат, возрастной профиль миграции.

JEL: J61, J88, P25, R23, R58.

Введение

Внешняя миграция — важнейший фактор социально-экономической истории России в постсоветский период. За время после распада СССР в нашу страну на постоянное место жительства приехали из-за рубежа, в основном из бывших советских республик, порядка десяти миллионов человек. В целом по числу жителей, родившихся за пределами нынешних границ страны, Россия делит с Германией второе-третье места, уступая только США.

Одним из крупнейших компонентов положительного сальдо внешней миграции, сложившегося у России, является приток жителей Украины. Цель настоящей работы — проследить, как в миграции украинцев в Россию проявляются некоторые закономерности, отмеченные в научной литературе о международной миграции, и предложить на этой основе ряд рекомендаций для государственной политики. При этом привлечение мигрантов с Украины рассматривается авторами не с точки зрения внешней политики и геополитического противостояния, но как фактор социально-экономического развития нашей страны.

Целесообразность привлечения украинских иммигрантов определяется демографической ситуацией в России. Согласно долгосрочному демографическому прогнозу ООН, нас ждет снижение численности населения до 143,3 млн к 2030 году и до 136 млн — к 2050-му (без учета населения Крыма и Севастополя, составляющего примерно 2 млн)¹ при фоновом сальдо миграции в Россию порядка 100 тыс. чел. в год². Такой сценарий, очевидно, неблагоприятен для перспектив развития страны.

Реальная возможность привлечения в Россию значительно-го числа переселенцев с Украины определяется тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, это единственное крупное культурно и этнически близкое нам государство, где среднемесячный уровень заработных плат значительно ниже российского: в 2017 году — 1073 долл. по ППС, или 65% от показателя России³. Этим Украина сильно отличается, например, от Белоруссии, где уровень среднемесячной заработной платы по ППС с 2013 года приблизился к российскому, а в 2017-м даже немного превзошел его: 1640 долл. в России и 1648 долл. — в Белоруссии⁴.

¹ United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2019. Vol. 1: Comprehensive Tables. P. 51.

² Ibid. Vol. 2: Demographic Profiles. P. 986.

³ Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие: мониторинг НИУ ВШЭ. Специальный выпуск «Межстрановые сопоставления заработных плат в 2011–2017 годах» / Под ред. Л. Н. Овчаровой, С. С. Бирюковой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 17.

⁴ Там же.

Во-вторых, на Украине сейчас очень высокий уровень готовности к эмиграции. Различные опросы, проводившиеся в 2015–2018 годах украинскими социологами, показывают, что доля «в принципе» желающих уехать из страны на время или навсегда составляет 20–30%, а 7–10% украинцев реально планируют в ближайшее время выехать за границу с целью длительного пребывания — работы, учебы или эмиграции. Столь высокие показатели обусловлены тем, что на Украине идет трансформация экономики: доля сельского хозяйства, пищевой промышленности и ряда отраслей сферы услуг растет, тогда как отрасли, ориентированные на российский рынок, прежде всего трудоемкое машиностроение, сжимаются. Поскольку промышленность Украины в основном расположена на русскоязычных востоке и юге страны, существенная часть потенциальных мигрантов — люди, близкие нам по языку и культуре.

В-третьих, есть основания предполагать, что привлечение в широких масштабах мигрантов именно с Украины не будет негативно воспринято российским обществом, несмотря на существующие в нем антииммиграционные установки. По данным Левада-Центра, к мигрантам с Украины «хорошо» или «нейтрально» в феврале 2017 года относились 77% опрошенных, а «плохо» — 19%, тогда как к мигрантам из других регионов России с преимущественно русским населением — соответственно 76 и 16%, то есть отличия минимальны⁵. Доля относящихся «плохо» к мигрантам из других стран, например выходцам из Средней Азии и Закавказья, в среднем в два раза выше.

Представляется, что в этих цифрах отражена оценка российским обществом своей способности интегрировать мигрантов таким образом, чтобы общество воспринималось как свое, российское, или по крайней мере (это уже необходимое условие) чтобы скорость его изменения была для нас приемлемой. Судя по приведенным данным опросов, привлечение мигрантов с Украины в целом удовлетворяет этому критерию.

1. Внешняя миграция: некоторые общие закономерности

В отечественной и зарубежной научной литературе выделен ряд общих черт, характеризующих внешнюю миграцию. Важнейшая из них состоит в том, что в выборе мест для поселения зарубежные мигранты⁶ повторяют, иногда в усиленном

⁵ www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam/.

⁶ Важно отметить, что речь идет о мигрантах-переселенцах, имеющих возможность более-менее спокойно подготовить переезд, а не о беженцах, покидающих свою страну в силу внезапно возникшей угрозы и зачастую не имеющих особого выбора. Для целей нашей работы важна именно первая категория.

виде, миграционные предпочтения коренного населения. Это, в частности, следует из анализа данных по США и Канаде — двух стран, куда в XX–XXI веках направлялись крупнейшие мировые миграционные потоки.

Так, одной из самых очевидных черт является тяготение мигрантов к большим городам. Исследования показывают, что за рост населения крупных городов США в значительной степени «ответственна» именно международная миграция. В работе Эдварда Глейзера и Джошуа Готтлиба [Glaeser, Gottlieb, 2006] показано, что корреляция между размером города и долей в нем людей, родившихся за пределами США, очень высока: например, 0,35 в 1970 году и 0,48 (!) в 2000-м.

Важно, что именно крупные города обладают наибольшим потенциалом притягивать самый качественный человеческий капитал — семьи образованных мигрантов: если и муж, и жена имеют образование и планируют работать по специальности, то найти работу обоим вне крупного города обычно очень сложно, поскольку в небольших населенных пунктах рынок труда более узкий и, как правило, намного более специализированный. Это подтверждается статистикой миграции в США: семьи с двумя работающими членами непропорционально сильно тяготеют к крупным агломерациям [Chen, Rosenthal, 2008].

Марк Фергюсон и его коллеги [Ferguson et al., 2007] на материале Канады показывают, что для самых молодых возрастных когорт в качестве вызывающего миграцию наиболее значим агломерационный фактор, то есть размер города. Более того, они выявили фактор «бегства от сельского хозяйства»: в их исследовании отмечено, что рост населения молодого возраста в поселении негативно зависит от степени преобладания сельского хозяйства в его экономической структуре.

Частным случаем тяготения миграционных потоков к крупным городам является притяжение столиц, политических и экономических. Существенно бóльшая доля мигрантов в европейских столицах (а особенно в пригородах столиц, где жилье дешевле) по сравнению с другими, более мелкими городами этих стран бросается в глаза. Это можно объяснить тем, что столица — место концентрации спроса на товары и особенно услуги, предъявляемого занятыми в бюджетном (в случае политических столиц) и внебюджетном (в случае экономических столиц) секторах.

В литературе выделены некоторые закономерности, касающиеся миграции (не только международной, но и внутренней) в сельскую местность. В упомянутой выше работе [Ferguson et al., 2007] показано, что на рост числа жителей в сельском поселении статистически положительно влияет близость к большим городам и отрицательно — увеличение расстояния до ближайшего

города (безотносительно к его размеру). К совершенно аналогичным выводам на материале современной России пришла Татьяна Нефедова, подчеркивавшая важность для успешного развития сельских поселений их близости к городам и сравнительно высокой плотности населения, которая в нашей стране характерна для южных районов [Нефедова, 2013].

Отметим, что ни одной стране мира в XX–XXI веках не удалось заселить зарубежными мигрантами необжитой район. Мигранты концентрируются там же, где и коренное население, — на плотно населенных территориях и, в частности, в крупных городах.

Предпочтение крупных городов во многом связано с тем, что самая интенсивная миграция свойственна молодым возрастам, когда люди переезжают для обучения, старта трудовой деятельности, создания семьи. Далее с увеличением возраста миграционная активность падает по мере наступления стабильности в жизни человека: накопления собственности, достижения детьми школьного возраста и т. д. Крупные города притягивают молодое население и как центры получения образования, и как места насыщенной интересной жизни.

В России возрастной профиль межрегиональной миграции имеет выраженный пик в возрасте 18 лет, после чего снижается. На возраст 16–29 лет приходится почти 49% всех учитываемых статистикой межрегиональных миграционных перемещений, а самая низкая интенсивность — у пожилых людей и школьников [Карачурина, Мкртчян, 2016].

На Украине склонность к переезду (и, в частности, к миграции за рубеж) также максимальна именно в молодом возрасте. По данным опроса Киевского международного института социологии, проведенного в 2018 году, интерес к переезду за границу для работы или учебы проявляет 29,1% трудоспособного населения Украины, при этом среди молодежи в возрасте от 18 до 29 лет покинуть Украину готовы 55%, среди лиц от 30 до 39 лет — 44%, от 40 до 50 лет — 33%. 40% потенциальных мигрантов — люди с высшим образованием [Гулина, Позняк, 2018. С. 562–563]. Для сравнения: в России желающих уехать порядка 10%, в том числе среди молодых россиян (от 18 до 24 лет) — 31%⁷. Столь высокие показатели *заявивших* о миграционных намерениях не должны вводить в заблуждение: по данным тех же опросов, реально готовятся к отъезду менее 1% россиян и около 7% украинцев. Тем не менее максимальная готовность к миграции в молодости и ее спад по мере увеличения возраста опрашиваемых очевидны.

⁷ <https://wciom.ru/index.php&id=236&uid=9187>.

Согласно статистике США, в 25 лет переезд втрое более вероятен, чем в 45–50 [Флорида, 2014. С. 221]. Местности, откуда молодежь уезжает, никогда не смогут компенсировать эти человеческие потери, поскольку с возрастом склонность к переездам слабеет. В целом ряде работ подчеркивается роль университетов как магнитов, притягивающих высококвалифицированных мигрантов (см., например, [Faggian, McCann, 2009]). Фактор численности студентов в регионе оказывается статистически значимым и в России: приведенные в работе [Вакуленко, 2019] данные показывают, что мигранты меньше выезжают из регионов с большой численностью студентов и больше в них приезжают.

Важную роль в определении направлений международной миграции играет эффект диаспоры, исследованный в [Коллиер, 2016]. Само наличие диаспоры в стране облегчает и даже, по мнению автора, предопределяет приток в нее мигрантов: в известном смысле миграция «подкармливает» сама себя, прошлая вызывает нынешнюю. Это создает ситуацию зависимости от траектории предыдущего развития (*path dependence*): если регион в силу тех или иных причин в прошлом привлек значительное число мигрантов из определенной страны, велика вероятность, что новые мигранты из нее будут направляться именно в этот регион.

В ряде работ в качестве мощного фактора, влияющего на направления миграционных потоков, выделяется климат. Исследования американских авторов ([Rapaport, 2007] и многих других) подтвердили статистически влияние хорошего климата на интенсивность миграции. Приводимые в [Cragg, Kahn, 1999] данные показывают, что климат — это не «выталкивающий», а «притягивающий» мигрантов фактор. Климат сам по себе оказывает слабое влияние на принятие решения *покинуть* регион проживания, однако если такое решение по любой причине принято, климатический фактор оказывается статистически очень значимым при *выборе направления* миграции.

Похожие выводы о влиянии климата на миграцию сделаны на материале Италии [Maddison, Bigano, 2003] и Германии [Redhanz, Maddison, 2009].

В работе [Rapaport, 2007], содержащей статистический анализ миграции более чем в трех тысячах округов (графств) США, показано, что хороший климат привлекает в благоприятные районы зарубежных мигрантов сильнее, чем родившихся в США. Положительная корреляция количества мигрантов с фактором теплых зим (средней температурой в том или ином округе самого холодного месяца года — января) оказалась значительно выше для родившихся за рубежом, чем для уроженцев США, как и от-

рицательная корреляция с фактором жаркого лета (средней температурой июля).

Возможно, такая зависимость связана с опережающим ростом отраслей сферы услуг, дающих работу мигрантам. В свою очередь, этот рост вызван перемещением уроженцев страны в районы с более благоприятным климатом. Еще одно возможное объяснение: существенная доля пенсионеров среди переселяющихся в климатически более благоприятные районы создает и усиливает спрос в секторе личных услуг (медсестры, сиделки и т. д.), который зачастую удовлетворяется мигрантами (отметим, не только в США: в Италии, Чехии и ряде других европейских стран в этом секторе работают много жительниц Украины и Молдавии).

Тяготение внешних миграционных потоков к климатически благоприятным территориям можно проследить и на примере России. В работе авторов настоящей статьи [Розинская, Розинский, 2019] отмечено, что в нашей стране помимо двух столиц и их областей сложился макрорегион «Теплороссия», ставший мощным полюсом миграционного притяжения, большую роль в привлекательности которого играет климатический фактор. «Теплороссия» охватывает Белгородскую и Воронежскую области и Краснодарский край. Значимое положительное миграционное сальдо, которое в этих регионах наблюдается в течение последних десяти лет, во многом достигается благодаря притоку внешних мигрантов, особенно выходцев с Украины.

2. Миграционные потоки жителей Украины и конкуренция за них

Выходцы с Украины играют существенную, а в некоторые годы — лидирующую роль в общем миграционном приросте населения России: в целом на их долю приходится около четверти общего прироста (табл. 1). С 2011 по 2018 год миграционный прирост за счет Белоруссии составил всего 47 тыс. чел., за счет Молдавии (включая Приднестровье) — 117 тыс., за счет Казахстана — 252,6 тыс., а за счет Украины — более полумиллиона.

Значительная часть переселенцев с Украины натурализуется в России, принимая гражданство нашей страны. Всего за 1992–2018 годы российское гражданство получили помимо жителей присоединенного Крыма около 1,4 млн бывших граждан Украины.

В 2017–2018 годах ситуация с привлечением украинских мигрантов стала ухудшаться, что в условиях естественной убыли населения нашей страны стало одним из основных факторов возобновления в 2018 году сокращения населения после нескольких лет роста. В 2018-м приток украинцев в Россию упал более чем

Т а б л и ц а 1

**Миграционный прирост населения России по странам происхождения мигрантов,
2011-2018 годы (тыс. чел.)**

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего
Россия всего, в том числе из:	319,8	294,9	295,9	280,3	245,4	261,9	211,9	124,9	2035,0
стран СНГ	288,0	268,4	274,9	270,2	237,3	255,3	203,4	129,1	1926,6
Украины	37,3	37,0	36,4	94,4	146,1	118,8	47,7	14,8	532,5
Молдавии	18,8	18,6	20,6	17,6	17,4	14,4	9,6	7,7	124,7
Казахстана	30,3	36,7	40,2	40,8	34,8	37,1	32,7	26,5	279,1
Белоруссии	7,6	10,3	3,7	6,7	4,9	2,1	11,8	7,2	54,3
Армении	31,7	32,0	32,2	24,0	20,5	12,0	14,0	14,4	180,8
Азербайджана	21,1	18,1	17,2	12,4	10,7	10,4	8,6	8,7	107,2
Киргизии	40,6	24,1	19,8	15,2	9,9	11,1	19,3	9,0	149,0
Таджикистана	34,0	31,4	33,7	19,4	11,4	27,3	34,6	31,0	222,8
Узбекистана	62,3	56,3	67,3	37,1	-20,7	19,7	22,2	6,8	251,0
Туркмении	4,3	3,9	3,8	2,6	2,3	2,4	2,9	3,0	25,2
стран дальнего зарубежья	31,8	26,5	21,0	10,1	8,1	6,6	8,5	-4,2	108,4

Источник: Росстат (www.gks.ru/storage/mediabank/migr2.xls).

второе — с 47 691 в 2017-м до 14 822, то есть фактически до значений начала 2010-х годов. По мере снижения интенсивности военных действий на востоке Украины и перехода конфликта в позиционную фазу поток беженцев уменьшался и в конце концов прекратился, остались обычные трудовые мигранты и переселенцы. В это же время на «миграционном рынке» Россия столкнулась с серьезной конкуренцией со стороны стран Евросоюза, прежде всего Польши.

Миграция украинцев в европейские страны заметно упростилась после предоставления Украине в 2017 году безвизового режима с ЕС. Хотя условия безвизового пребывания украинцев на территории стран Европы не дают им права там работать (требуются особые разрешения, выдача которых квотируется), безвизовый режим позволяет искать работу и договариваться с потенциальными работодателями. Кроме того, значительное число пользующихся безвизовым режимом украинцев работают в ЕС нелегально.

Особенно привлекательно с точки зрения потенциальных украинских мигрантов смотрится Польша — страна с ежегодным ростом ВВП около 5% и низкой безработицей. Данные табл. 2 иллюстрируют динамику получения иностранцами разрешений на постоянное проживание (РПП) и временное пребывание (РВП) в Польше: рост числа получивших разрешение происходит в основном за счет выходцев с Украины.

Т а б л и ц а 2

Число иностранцев, получивших РПП и РВП в Польше, 2005–2017 годы

Год	Иностранцы, получившие РПП и РВП	В том числе граждане Украины	
		чел.	%
2005	26 214	9822	37,4
2010	33 787	9980	29,5
2015	74 819	4456	59,6
2016	95 658	63 173	66,0
2017	116 519	78 134	67,1

Источник: Demographic Yearbook of Poland 2018. Warsaw: Statistical Publishing Establishment. <https://stat.gov.pl/en/topics/statistical-yearbooks/statistical-yearbooks/demographic-yearbook-of-poland-2018,3,12.html#>.

Похожая динамика наблюдается по численности иностранцев, получивших в Польше разрешение на работу. За семь лет их число выросло более чем в шесть раз, с 37 тыс. до 236 тыс., причем почти исключительно за счет украинцев, доля которых, составлявшая в 2010 году 35%, в последние годы превышает 80%.

Наконец, наиболее высокие в абсолютном выражении цифры демонстрируют показатели количества разрешений на временную (до шести месяцев) работу иностранцев в Польше; эти разрешения выдаются на основании запросов польских работодателей. В 2014 году было оформлено 387 тыс. таких разрешений, в 2015-м их число более чем удвоилось — до 782 тыс., в 2016-м еще раз почти удвоилось — до 1,3 млн и в 2017-м достигло 1,8 млн, из которых 1,7 млн, или 94% (!), выдано гражданам Украины.

Польша является нашим главным конкурентом и в плане привлечения потенциальных студентов с Украины. Учиться украинцы едут в основном в Польшу, Россию и Германию, причем на долю Польши приходится более половины получающих образование за рубежом жителей Украины [Гулина, Позняк, 2018]. Выданные Польшей разрешения на временное проживание с целью учебы составляют 26% общего количества таких разрешений, предоставленных Евросоюзом жителям стран СНГ. Для сравнения: на долю Великобритании, мировой державы на рынке образовательных услуг, приходится 19% разрешений, а на долю Германии — 8% [Денисенко, Хараева, 2018]. С 2000 года по 2017-й имел место одиннадцатикратный рост числа обучающихся в Польше иностранных студентов, происходивший в основном за счет жителей Украины, доля которых превышает половину общего числа (в 2017 году — 37 829, или 52%).

С 2008 года Польша выдает имеющим польское происхождение гражданам стран СНГ и Прибалтики так называемую карту поляка. За 2008–2017 годы этот документ получили 234 350 чел.,

большинство которых (более чем по сто тысяч на каждую страну) — жители Украины и Белоруссии. Карта дает право работать в Польше без наличия специального разрешения на работу, необходимого по польским законам для остальных иностранцев, учреждать в стране компании на тех же основаниях, что и ее граждане, право на бесплатное образование и на получение в неотложных случаях бесплатных медицинских услуг, скидку 37% от стоимости билетов в общественном транспорте, включая железнодорожный, и т. д.

Карта поляка, первоначально задумывавшаяся как механизм поддержания связей Польши с проживающими в странах бывшего СССР этническими поляками и их потомками, в последние годы всё в большей степени становится фактором не только культурной, но и социально-экономической политики, стимулируя иммиграцию в страну людей близкой культуры.

Согласно долгосрочному демографическому прогнозу ООН, население Польши к середине XXI века снизится с нынешних 38 млн до 33,3 млн, а к 2100 году — до 23 млн⁸. Такая перспектива точно не устроит эту страну, претендующую на роль экономического и политического лидера Восточно-Европейского региона. При этом польское общественное мнение категорически не приемлет политики открытых дверей для мигрантов из неевропейских стран. В этой ситуации для Польши привлечение мигрантов с Украины — один из немногих реальных путей избежать негативного демографического сценария. Первые результаты уже есть: внешнее миграционное сальдо Польши, весь послевоенный период, то есть на протяжении *более чем семидесяти лет*, бывшее отрицательным, в 2016–2017 годах оказалось положительным, хоть и небольшим (плюс 1500 чел. в год).

3. География украинской миграции в Россию

Как проявляются отмеченные выше характеристики международной миграции применительно к переселению жителей Украины в Россию? В табл. 3 представлены российские регионы, в которые направлялся стабильный и значимый приток мигрантов с Украины в 2011–2018 годах. В качестве критерия значимости выбрано превышение ежегодным сальдо миграции в определенный регион величины 1000 чел., а в качестве критерия устойчивости — частота такого превышения: как минимум шесть раз за восемь лет анализируемого периода. С учетом того, что в эти восемь лет социально-экономическая

⁸ United Nations... Vol. 2: Demographic Profiles. P. 946.

Т а б л и ц а 3

Регионы России, в наибольшей степени привлекающие мигрантов с Украины

	Белгородская область		Воронежская область		Курская область		Краснодарский край		Ростовская область		Московская область		Тюменская область		Москва		Крым		Севастополь		Санкт-Петербург		Ленинградская область		Россия в целом		
	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)	Доля (%)	Численность (чел.)
2011	1609	4,3	1085	2,9	856	2,3	2559	6,9	902	2,4	4748	13,7	5118	13,7	3523	9,4	-	-	-	-	1610	4,3	899	2,4	37 286	100	
2012	1810	4,9	1102	3,0	1094	3,0	2342	6,3	1045	2,8	4713	12,7	2891	7,8	3858	10,4	-	-	-	-	2291	6,2	1922	5,2	36 995	100	
2013	1378	3,8	1150	3,2	1043	2,9	2487	6,8	1442	4,0	4003	11,0	2457	6,7	3712	10,2	-	-	-	-	2490	6,8	1529	4,2	36 411	100	
2014	4931	5,8	2909	3,4	2537	3,0	5698	15,6	4189	11,7	5247	14,8	4094	11,2	4470	12,3	-	-	-	-	3416	9,4	1634	4,5	94 370	100	
2015	6620	18,2	4512	12,5	6100	17,0	8454	23,2	6238	17,3	8303	22,8	2740	7,5	4665	12,8	15 474	42,1	7608	20,6	1341	3,7	-370	-1,0	146 131	100	
2016	6542	18,0	6206	17,1	7832	21,5	7116	19,5	5952	16,3	7711	21,3	6441	17,7	3012	8,2	8085	22,2	5066	13,9	1730	4,7	1549	4,2	118 819	100	
2017	2552	7,0	4587	12,5	3182	8,8	2074	5,7	2793	7,6	3961	10,8	2485	6,8	2714	7,4	6031	16,4	2519	6,6	1414	3,8	1579	4,5	47 691	100	
2018	2188	6,2	2986	8,1	344	0,9	4011	11,0	468	1,3	3476	9,5	32	0,1	3951	10,6	2022	5,3	2244	5,9	1573	4,2	1677	4,4	14 822	100	
	14,8	4,2	20,1	5,6	2,3	0,6	27,1	7,4	3,2	8,8	23,5	0,2	0,2	0,1	26,7	7,3	13,6	3,6	15,1	4,0	10,6	2,8	11,3	3,0	100	100	

Источник: Росстат (<https://www.fedstat.ru/indicator/46162>).

ситуация как в России (посткризисный подъем 2011–2013 годов, кризис конца 2014–2016 годов, медленное восстановление с 2017-го), так и на Украине (посткризисный рост в первые годы правления Виктора Януковича, обвальное падение экономики в 2014–2015 годах и восстановительный подъем с 2016-го) менялась очень сильно, выбор критерия представляется обоснованным. Приведены также данные по Крыму и Севастополю, не входившим в состав России до 2014 года, но с 2015-го демонстрирующим стабильно высокие показатели миграционного притока с Украины.

Представленные данные показывают, что перечень наиболее привлекательных для мигрантов с Украины регионов в целом сложился еще до украинского кризиса 2014–2016 годов. В него входят две столицы с областями, регионы «Теплороссии» (Воронежская и Белгородская области и Краснодарский край) и Тюменская область. Сохраняющиеся неизменными из года в год, несмотря на радикально меняющуюся экономическую и политическую ситуацию, основные направления миграционных потоков с Украины в Россию соответствуют гипотезе Пола Коллиера о диаспорах как среде, питающей миграцию [Коллиер, 2016].

В период кризиса имел место взрывной рост миграции, вызванный притоком беженцев, иногда направлявшихся в нетипичные (Ростов-на-Дону, Курск, Тулу) регионы, а затем — возвращение к докризисному перечню регионов — реципиентов украинской миграции, к которому добавились два новых региона РФ — Крым и Севастополь. Так, Ростовская область до конфликта в соседнем с ней Донбассе не была притягательна для мигрантов с Украины, пока в 2014–2016 годах не произошло резкого увеличения притока — очевидно, не столько переселенцев, сколько беженцев. В 2018-м, когда острая фаза конфликта завершилась, приток упал более чем в десять раз, оказавшись меньше, чем в 2012–2013 годах. Похожая динамика наблюдается в Курской области: до 2014 года этот регион привлекал с Украины порядка 1000 чел. в год, затем имел место шести-семикратный рост во время горячей фазы конфликта, а после ее завершения — снижение на порядок.

Напротив, приток в Воронежскую область хоть и снизился в 2017–2018 годах по сравнению с пиком 2015–2016-го, но по сравнению с началом 2010-х вырос почти втрое.

В Белгородской области доля украинского потока в общем приросте стала расти еще до кризиса, а в 2014–2018 годах выходцы с Украины обеспечили основную часть всего миграционного притока на Белгородчину (табл. 4). Весьма существенный миграционный поток сохранялся и в 2017–2018 годах, то есть после завершения острой фазы конфликта на востоке Украины.

Стабильно высокими показателями миграции украинцев отличается Краснодарский край, притягивающий в год около 50 тыс. чел., россиян и иностранцев, и уступающий по этому показателю только столичным регионам. Этот факт иллюстрирует тезис, что мигранты склонны следовать миграционным предпочтениям коренного населения.

Данные табл. 3 показывают, что украинские переселенцы в целом разделяют и характерное для международной миграции тяготение к столицам. При этом в период острой фазы кризиса на Украине наблюдалось падение долей двух столиц в общем миграционном притоке: беженцы направлялись в другие регионы России, где, очевидно, ниже издержки обустройства.

В целом повторяя отмеченные выше общие характеристики международной миграции, переселение украинцев в Россию демонстрирует также ряд особенностей. Так, склонность к миграции в крупнейшие города в случае украинских мигрантов в Россию проявляется с определенной спецификой: только размера города для их привлечения недостаточно — ни Самары, ни Волгограда, ни Екатеринбурга, ни Казани в списке миграционных предпочтений нет. Притягивают не просто большие города, но большие *южные* города — Воронеж и Краснодар.

Совершенно не привлекают украинцев регионы Сибирского и Дальневосточного округов. Нет ни одного региона из этих федеральных округов, который бы стабильно притягивал украинских мигрантов, а в 2018 году там имел место ощутимый отток. Обратный отток захватил даже такой традиционно привлекательный для украинских мигрантов регион, как Тюменская область, миграционное сальдо Украины с которой оказалось практически нулевым. Отрицательное сальдо было зафиксировано практически во всех регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов и более чем в половине регионов Приволжья и Северного Кавказа.

Очень интересным является вопрос, в какой степени уроженцев Украины, страны с высокой для Европы долей сельского населения (более 30%), привлекают российские сельские районы. На первый взгляд, этого можно ожидать, поскольку «Теплороссия», куда направляются стабильные миграционные потоки с Украины, — главный бенефициар наблюдаемого в России в последние годы интенсивного подъема аграрного сектора. Сельское хозяйство в этих регионах высокоинтенсивное, в принципе способное обеспечить приемлемый уровень дохода.

Имеющиеся данные не дают однозначного подтверждения гипотезы о привлекательности сельских районов. В табл. 4 струк-

тура миграции в Белгородскую область показана в двух различных аспектах: выделена, с одной стороны, доля в ней выходцев с Украины, а с другой — доля миграции в областной центр. В предшествующие украинскому кризису годы на Белгород и пригородный Белгородский район приходился весь или почти весь миграционный прирост, у остальной части области миграционное сальдо было отрицательным. В 2014–2016 годах доля областного центра заметно снизилась, что коррелирует с притоком беженцев с Украины, зачастую направлявшимся, видимо, именно в сельские районы Белгородчины, где жизнь дешевле и устроиться проще. Этот приток перекрыл отток людей из сельских районов области в областной центр и за пределы области, сделав сальдо сельских районов положительным. Но с 2017 года происходит возврат к показателям докризисных годов: весь миграционный прирост снова приходится на областной центр при сохраняющейся высокой доле украинцев в этом приросте.

Т а б л и ц а 4

**Численность и доли выходцев с Украины и переселенцев в областной центр
в общем миграционном сальдо Белгородской области**

Год	Прирост (чел.)	Прирост за счет выходцев с Украины (чел.)	Доля общего прироста (%)	Прирост в г. Белгород и Белгородском муниципальном районе (чел.)	Доля общего прироста (%)
2010	5975	1040	17	5623	94,1
2012	8591	1810	21	8966	104,4 ^a
2013	6566	1378	21	6800	103,6 ^a
2014	7591	4931	65	5224	68,8
2015	5918	6620	112 ^a	3892	65,8
2016	7067	6542	93	3924	55,5
2017	2839	2552	90	3368	118,6 ^a
2018	4123	2187	53	6638	161,0 ^a

^a Приток выходцев с Украины превышал суммарный миграционный приток (сальдо по остальным направлениям было отрицательным).

Источники: Росстат (www.gks.ru/dbscripts/munst/munst14/DBInet.cgi); Белгородстат (https://belg.gks.ru/storage/mediabank/0107_2019.pdf).

Похожую тенденцию можно увидеть и в Воронежской области. До 2014 года приток населения в областной центр стабильно превышал общий приток населения в область, то есть миграционное сальдо остальной части области было отрицательным: сельские районы отдавали Воронежу и за пределы региона больше людей, чем получали извне. В 2014, 2015 и 2016 годах доля г. Воронеж в общем региональном притоке снизилась до 79, 73 и 63% соответственно, в 2017-м вновь выросла до 90%, а в 2018-м году вернулась к норме, превысив 100%.

Как и в случае Белгородчины, мы склонны связывать временное увеличение сальдо миграции в сельские районы с притоком беженцев с Украины в период острой фазы конфликта.

И только на Кубани и в Крыму ситуация принципиально иная. В частности, на Кубани с 2010 года по 2017-й более половины муниципальных районов имели стабильный положительный приток населения, а доля Краснодара в общекраевом миграционном сальдо в среднем не превышала 30–40%. Здесь можно увидеть влияние как климатического фактора (Крым и Кубань уникальны для нашей страны по благоприятности климата), так и отмеченное в литературе влияние на миграцию в сельскую местность плотности населения. В Крыму и в Краснодарском крае, в отличие от практически всех нестоличных регионов России (кроме Северного Кавказа), плотность населения находится на уровне Юго-Восточной Европы — 74 и 73 чел. на 1 кв. км соответственно.

Таким образом, миграция с территории Украины в Россию, демонстрируя определенную специфику, в целом соответствует общемировым закономерностям.

4. Рекомендуемые направления государственной политики по привлечению мигрантов с Украины

В целом в нашей стране постепенно происходит осознание того, что потенциальные мигранты с Украины — это важнейший человеческий ресурс, за который идет конкурентная борьба как со странами ЕС, так и с самой Украиной, не заинтересованной в массовой эмиграции своих граждан, не говоря уже о неприятии по политическим причинам их отъезда именно в Россию. Такое осознание проявилось, в частности, в либерализации процедуры предоставления гражданства выходцам с Украины. В 2017–2018 годах российское гражданство ежегодно получали более 80 тыс. бывших граждан Украины (13 тыс. — в 2012-м). Подписаны указы президента об упрощенном предоставлении гражданства жителям Донбасса, публично обсуждается возможность аналогичного указа для всех жителей Украины. Вступил в силу закон, включающий граждан Украины в список лиц, которые смогут получать разрешение на временное проживание в России вне квот, распределенных по регионам.

Представляется, однако, что в условиях конкуренции с ЕС одной только либерализации предоставления гражданства и условий пребывания в России для привлечения переселенцев с Украины будет недостаточно, хотя это очень важный и давно назревший шаг. Помимо либерализации потребуются и проактивный подход. Суть такого подхода — «асфальтировать уже протоптанные до-

рожки», иначе говоря, содействовать привлечению украинских мигрантов в те регионы, которые уже проявили себя как наиболее привлекательные для украинцев.

На наш взгляд, одновременно решить две задачи: во-первых, выиграть у ЕС конкуренцию за украинцев, а во-вторых, привлечь их именно в менее развитые и менее населенные районы нашей страны, где пока недостаточно развита инфраструктура, — едва ли возможно. Привлекая украинцев на условный Дальний Восток, мы будем проигрывать в сравнении с Европой, даже Восточной: уровень зарплат в Польше по ППС в 2017 году превышал российский на 43%, в Чехии — на 24%, в Венгрии — на 28%⁹. Сейчас дальневосточная зарплата в среднем превышает общероссийский уровень на 20% при существенно более высокой стоимости жизни. Скорее всего, чтобы предлагать конкурентоспособные в глазах украинских мигрантов зарплаты, придется платить больше, чем дальневосточная экономика сможет себе позволить.

Как было показано выше, к числу регионов, куда на протяжении длительного периода направлялся и направляется миграционный поток с Украины, относятся Москва и Санкт-Петербург с областями, регионы «Теплороссии» (Воронеж, Белгород и Краснодар), а также Крым и Севастополь. Стимулирование переселения людей в две столицы с областями не имеет смысла по очевидным социально-экономическим причинам. По столь же очевидным политическим причинам едва ли целесообразно стимулирование переселения украинцев на Крымский полуостров. В этих условиях «флагманскими» регионами привлечения украинских мигрантов предлагается сделать именно регионы «Теплороссии».

«Теплороссия» как потенциальное направление украинской миграции выглядит более конкурентоспособно, чем остальная Россия. Это ближе, чем любые иные российские регионы. Климат здесь привычнее (вновь сошлемся на опыт миграции в США: климат играет роль при определении направления миграции, если само решение по любой, личной или экономической, причине уже принято). Сюда проще приехать присмотреться, не тратя больших средств на дальний авиаперелет, — аргумент для небогатых жителей соседней страны немаловажный. Проживание в «Теплороссии» может быть более комфортным психологически, поскольку в силу географической близости несет меньший риск разрыва социальных связей с родными и близкими, оставшимися на Украине.

Элементами целенаправленной политики по привлечению переселенцев с Украины в «Теплороссию» могут быть тиражиро-

⁹ Население России в 2018 году. С. 17.

вание белгородского опыта поощрения индивидуального жилищного строительства для переселенцев, специальная льготная ипотечная программа, ориентированная на переселенцев, проживших (и проработавших) в России определенное количество лет, и другие подобные меры. Авторам представляется довольно обещающей программа содействия переводу предприятий и кадров с прилегающей части Украины в Воронежскую и Белгородскую области (формирование в Белгороде «нового Харькова» за счет перевода сюда предприятий, традиционно ориентированных на российский рынок и утративших его вследствие санкционной войны между нашими странами).

Можно попробовать реализовать программу привлечения украинцев в сельские районы «Теплороссии», но, как показано выше, следует быть готовым к тому, что, за исключением Кубани, основной поток пойдет всё же в региональные центры.

Особую важность имеет разработка и реализация программы привлечения в «Теплороссию» украинской молодежи, прежде всего студентов. Россия входит в шестерку наиболее привлекательных для зарубежных студентов государств, на которые приходится до половины всех студентов мира, обучающихся за пределами своих стран. Число украинских студентов в России, составлявшее в 2000-е годы порядка 5 тыс., к 2013/14-му учебному году постепенно выросло до 9,5 тыс., а затем, с началом украинского кризиса, установилось на уровне 15–16 тыс. При этом доля украинцев среди обучающихся в России иностранных студентов снизилась, поскольку общее число иностранных студентов росло быстрее, увеличившись за 2000–2019 годы более чем вчетверо, с 59 тыс. до 248 тыс. Государством ставится задача роста этого числа до более чем 700 тыс.

Предлагается сделать составной частью этой задачи привлечение украинских студентов в вузы «Теплороссии». Это может быть достигнуто как за счет развития целевых стипендиальных программ, так и путем введения системы стимулирующих выплат местным вузам за каждого иностранного студента, оставшегося в России после обучения и проработавшего здесь определенный срок после окончания вуза.

Сказанное о привлечении украинских студентов в наибольшей степени относится к Воронежу. В работе [Кашницкий и др., 2016] для каждого региона России рассчитано отношение между числом поступивших на очную форму обучения в вузы этого региона и числом выпускников с аттестатом о высшем образовании за 2012–2014 годы. В России значительно больше регионов-доноров (показатель меньше единицы), откуда идет отток вы-

пускников, нежели регионов-реципиентов (показатель больше единицы), где расположены привлекающие иногороднюю молодежь образовательные центры (последних всего четырнадцать). Для Краснодарского края и Белгородчины это отношение примерно равно среднероссийскому уровню — 0,74, а Воронеж, напротив, показал высокий результат (1,2), уступающий только двум столицам и признанным центрам университетского образования — Томску и Новосибирску.

Привлечение украинских переселенцев в регионы «Теплороссии» ставит вопрос о предотвращении опасности образования гетто. С известными оговорками к мигрантам можно применить классическую формулу управления человеческими ресурсами: привлечение, развитие, удержание. В этой связи особенно важны специальные программы интеграции украинских мигрантов в российское общество, а также поощрение их последующей миграции внутри России. Как известно, предыдущая миграционная активность предопределяет более высокую склонность к миграции в будущем: по данным опросов, люди, сменившие место постоянного жительства, в полтора-два раза чаще высказывают намерение мигрировать еще раз, чем те, кто никогда ранее не переезжал [Карачурина, Мкртчян, 2008. С. 578]. Это позволяет в перспективе рассчитывать на них как на потенциальных переселенцев и в другие регионы России — если там удастся обеспечить более высокие доходы и/или сопоставимое качество жизни.

России имеет смысл внимательно присмотреться к польскому опыту, связанному с выпуском карты поляка, создав ее аналог — карту соотечественника, специально ориентированную на близких по культуре жителей Украины. Конкретный список преимуществ, предоставляемых владельцу карты соотечественника, первоначально мог бы примерно соответствовать польскому аналогу с акцентом на льготы, связанные с медицинской страховкой и доступом к бесплатному образованию. Карта соотечественника должна давать в случае готовности ее владельца к переезду в нашу страну упрощенный доступ к получению российского гражданства.

Заключение

В настоящее время, когда повсеместно снижается рождаемость, но при этом обостряются кризисы, связанные с провалом политики мультикультурализма и нежелательной миграцией, борьба за подходящих конкретной стране мигрантов становится важ-

нейшей частью конкуренции между государствами. Привлечение культурно близких мигрантов позволяет совместить интересы социально-экономического развития страны и ее стремление к сохранению своей идентичности.

Выходцы с Украины в настоящий момент являются единственным крупным источником потенциальной миграции в Россию, не вызывающим отторжения у населения нашей страны. Это единственная большая страна, которая беднее нас и выходцев из которой россияне готовы включать в понятие «мы».

При этом за украинских мигрантов усиливается конкурентная борьба, где нашим главным соперником выступает Польша. Для того чтобы рассчитывать на успех в этой борьбе, недостаточно одной либерализации предоставления российского гражданства; имеет смысл принять проактивные меры, используя потенциал российских регионов, наиболее привлекательных для выходцев с Украины.

Как показал анализ, к числу таких регионов относится «Теплороссия», включающая Воронежскую и Белгородскую области и Краснодарский край. Предлагается стимулировать переезд переселенцев с Украины именно в эти регионы с упором на привлечение молодежи, и прежде всего студентов.

Литература

1. Вакуленко Е. С. Мотивы внутренней миграции в России: что изменилось за последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 55. № 3. С. 113–138.
2. Гулина О., Позняк А. Между Европой и Россией: география миграционных потоков из Украины после 2014 г. // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 4. С. 561–576.
3. Денисенко М. Б., Хараева О. А. Тенденции миграции из стран СНГ в страны дальнего зарубежья // Демографическое развитие постсоветского пространства / Под ред. М. Б. Денисенко, Р. В. Дмитриева, В. В. Елизарова. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. С. 205–213.
4. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы // Научные труды ИНИ РАН / Под ред. А. Г. Коровки. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 571–604.
5. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 47–65.
6. Кашицкий И. С., Мкртчян Н. В., Леиуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–199.
7. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
8. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: Ленанд, 2013.
9. Розинская Н. А., Розинский И. А. Юго-западный вектор: климатический фактор социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 122–135.

10. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. Е. Лобковой. М.: Strelka Press, 2014.
11. Chen Y., Rosenthal S. Local Amenities and Life-Cycle Migration: Do People Move for Jobs or Fun? // *Journal of Urban Economics*. 2008. Vol. 64. No 3. P. 519–537.
12. Cragg M. I., Kahn M. E. Climate Consumption and Climate Pricing from 1940 to 1990 // *Regional Science and Urban Economics*. 1999. Vol. 29. No 4. P. 519–539.
13. Faggian A., McCann Ph. Human Capital and Regional Development // *Handbook of Regional Growth and Development Theories* / R. Capello, P. Nijkamp (eds.). Cheltenham, UK: Edward Edgar. 2009. P. 131–151.
14. Ferguson M., Ali K., Olfert M. R., Partridge M. Voting with Their Feet: Jobs Versus Amenities // *Growth and Change*. 2007. Vol. 38. No 1. P. 77–110.
15. Glaeser E., Gottlieb J. Urban Resurgence and the Consumer City. Harvard Institute of Economic Research Paper. No 2109. 2006.
16. Maddison D., Bigano A. The Amenity Value of the Italian Climate // *Journal of Environmental Economics and Management*. 2003. Vol. 45. No 2. P. 319–332.
17. Rappaport J. Moving to Nice Weather // *Regional Science and Urban Economics*. 2007. Vol. 37. No 1. P. 375–398.
18. Redhaz K., Maddison D. The Amenity Value of Climate to Households in Germany // *Oxford Economic Papers*. 2009. Vol. 61. No 1. P. 150–167.

Ekonomicheskaya Politika, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 88-109

Natalia A. ROZINSKAYA, Cand. Sci. (Econ.). Lomonosov Moscow State University (1–46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation).
E-mail: rozinskaya@econ.msu.ru

Ivan A. ROZINSKIY, Dr. Sci. (Econ.). Independent researcher (15/25, 23, ul. Sivtsev Vrazhek, Moscow, 119002, Russian Federation).
E-mail: rozinskiy.ivan@gmail.com

Ukrainian Migration to Russia: Results and Prospects

Abstract

The paper deals with the analysis of Ukrainian migration into Russia, which has been remaining an important factor in Russia's development during the post-Soviet period. Attraction of migrants with cultural characteristics similar to the native population makes it possible to simultaneously pursue two targets: promoting economic growth and preserving the nation's cultural identity. Migrants from Ukraine are currently the only substantial source of potential migration into Russia that does not provoke a negative attitude among the Russian people. The paper provides an analysis of the main geographical directions of Ukrainian migration into Russia during the past eight years. These directions have proved to be resilient in spite of substantial changes of the socioeconomic conditions in both countries. It is shown that the "Ukrainian stream" demonstrates features common to international migration in other countries, at the same time having certain specifics, e.g. leaning toward big cities of the Russian South-West. The authors examine the distribution of migrants among the federal districts of Russia as well as among administrative centers and rural areas of receiving regions. The Ukrainian migration stream is considered to be the object of competition between Russian and Polish

economic centers of gravity. In order for Russia to win in such a competition, the authors propose not to set an unrealistic goal of attracting Ukrainian migrants to the sparsely populated regions of Russia (e.g. the Far East), but rather to promote migration into regions which have already demonstrated their attractiveness for them, namely Belgorod, Voronezh and Krasnodar. In stimulating migration into these regions particular emphasis is to be made on the attraction of the Ukrainian youth, especially students. For that purpose, special programs targeting Ukrainian students should be elaborated at the universities of the Russian South-West.

Keywords: migration, regional development, climate, migration profile.

JEL: J61, J88, P25, R23, R58.

References

1. Vakulenko E. S. Motivy vnutrenney migratsii v Rossii: Chto izmenilos' za poslednie gody? [Motives for Internal Migration in Russia: What Has Changed in Recent Years?]. *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]*, 2019, vol. 55, no. 3, pp. 113-138.
2. Gulina O., Poznyak A. Mezhdru Evropoy i Rossiey: geografiya migratsionnykh potokov iz Ukrainy posle 2014 g. [Ukrainian Migration to Russia and Europe: New Trends and Its Consequences]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [Journal of Social Policy Studies]*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 561-576.
3. Denisenko M. B., Kharaeva O. A. Tendentsii migratsii iz stran SNG v strany dal'nego zarubezh'ya [Trends of Migration from the CIS to Other Countries]. In: Denisenko M. B., Dmitriyev R. V., Yelizarov V. V. (eds.). *Demograficheskoe razvitie postsovetского prostranstva [Demographic Development of the Post-Soviet Area]*. Moscow, Faculty of Economics Lomonosov Moscow State University, 2018, pp. 205-213.
4. Karachurina L. B., Mkrtchan N. V. Demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie faktory dinamiki migratsionnoy aktivnosti naseleniya Rossii: sovremennaya situatsiya i perspektivy [Demographic and Socioeconomic Factors of Russian Population Migration Dynamics: Current Situation and Prospects]. In: Korovka A. G. (ed.). *Nauchnye trudy INP RAN [Scientific Works of the IEF RAS]*. Moscow, Maks-Press, 2008, pp. 571-604.
5. Karachurina L. B., Mkrtchan N. V. Mezhhregional'naya migratsia v Rossii: vozrastnye osobennosti [Interregional Migration in Russia: Age Characteristics]. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 2016, vol. 3, no. 4, pp. 47-65.
6. Kashnitsky I. S., Mkrtchan N. V., Leshukov O. V. Mezhhregional'naya migratsiya molodezhi v Rossii: kompleksnyy analiz demograficheskoy statistiki [Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*, 2016, no. 3, pp. 169-199.
7. Collier P. *Iskhod: kak migratsiya izmenyaet nash mir [Exodus: How Migration Is Changing Our World]*. Transl. from English by N. Edelman. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2016.
8. Nefedova T. G. *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoy Rossii: Otvety geografa [Ten Topical Questions About Rural Russia: Geographer's Answers]*. Moscow, Lenand, 2013.
9. Rozinskaya N. A., Rozinskiy I. A. Yugo-zapadnyy vector: klimaticheskii faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [South-Western Vector: Climate Factor in Socio-Economic Development of Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 2019, no. 5, pp. 122-135.
10. Florida R. *Kto tvoy gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva [Who Is Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life]*. Transl. from English by E. Lobkova. Moscow, Strelka Press, 2014.
11. Chen Y., Rosenthal S. Local Amenities and Life-Cycle Migration: Do People Move for Jobs or Fun? *Journal of Urban Economics*, 2008, vol. 64, no. 3, pp. 519-537.
12. Cragg M. I., Kahn M. E. Climate Consumption and Climate Pricing from 1940 to 1990. *Regional Science and Urban Economics*, 1999, vol. 29, no. 4, pp. 519-539.

13. Faggian A., McCann Ph. Human Capital and Regional Development. In: Capello R., Nijkamp P. (eds.). *Handbook of Regional Growth and Development Theories*. Cheltenham, UK, Edward Edgar, 2009, pp. 131-151.
14. Ferguson M., Ali K., Olfert M. R., Partridge M. Voting with Their Feet: Jobs Versus Amenities. *Growth and Change*, 2007, vol. 38, no. 1, pp. 77-110.
15. Glaeser E., Gottlieb J. Urban Resurgence and the Consumer City. *Harvard Institute of Economic Research Paper*, no. 2109, 2006.
16. Maddison D., Bigano A. The Amenity Value of the Italian Climate. *Journal of Environmental Economics and Management*, 2003, vol. 45, no. 2, pp. 319-332.
17. Rappaport J. Moving to Nice Weather. *Regional Science and Urban Economics*, 2007, vol. 37, no. 1, pp. 375-398.
18. Redhanz K., Maddison D. The Amenity Value of Climate to Households in Germany. *Oxford Economic Papers*, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 150-167.